

С. Хабиянец
(Братислава)

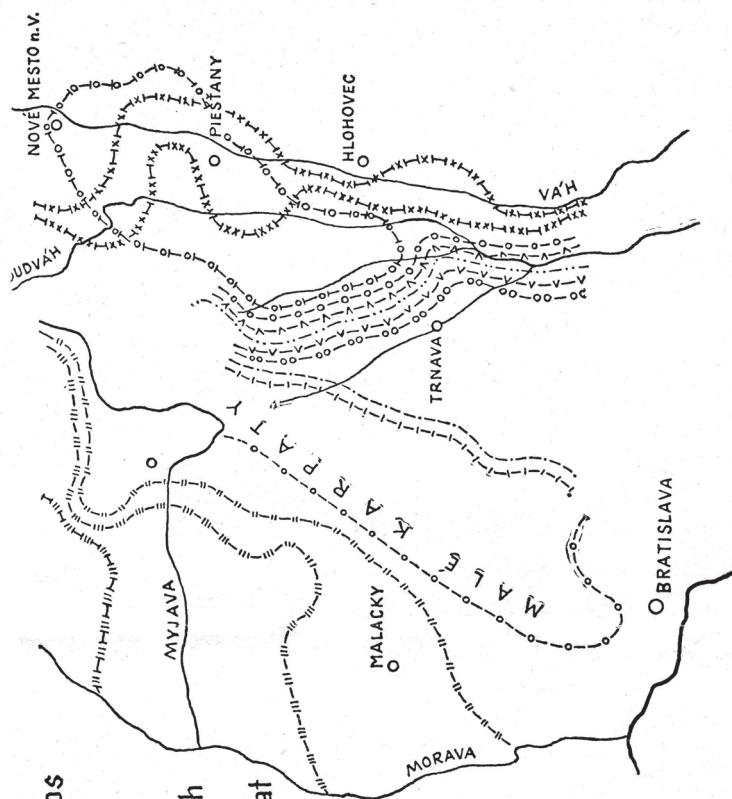
Генетическая принадлежность загорских говоров с точки зрения фонологического развития

Область словацких загорских говоров достаточно однозначно определена четкими географическими координатами — она расположена между реками Морава и Дунай, между горными системами Малые Карпаты и Белые Карпаты, также между словацко-немецкой и словацко-венгерской языковыми границами (Palkovič 1993: 352; Krajčovič 1988: 209), ср. карту 1. При этом для загорских говоров характерна высокая степень единства. Несколько отличаются здесь три группы говоров — Скалица и ее окрестности, окрестности Яблоницы в восточной части диалектной зоны, а также область на ее крайнем юге рядом с Братиславой (Palkovič 1997: 167). Прежде в лингвистической литературе загорские говоры называли также говорами Моравского дола или поморавскими говорами (Vážný 1934: 233, после него также Stanislav 1967: 282).

Каждый, кто занимается словацкой диалектологией или словацким сравнительно-историческим языкознанием, отдает себе отчет в особом положении загорских говоров в словацком языке, которое с полной уверенностью можно мотивировать их окраинным положением — речь идет о самых западных словацких говорах, которые к тому же отделены от основной языковой территории естественной преградой (Малые Карпаты). Вышеуказанный факт, как демонстрируют языковые особенности, значительно повлиял на формирование и специфику загорских говоров. Многие исследователи пришли к заключению, что загорские говоры формируют «своего рода переходную зону между словацкими и чешскими (моравскими) диалектами» (Palkovič 1993: 355), в связи с чем возникает вопрос об их генетической принадлежности в контексте чешско-словацкого диалектного континуума. Особое положение загорских говоров можно ярко продемонстрировать на материале тех особенностей словацкого языка, которые выделяют его как отдельный славянский язык в рамках западнославянской языковой группы. Ими являются, например, совпадение рефлексов праславянских **ř* и **rb* / **rb* (кроме восточнословацких говоров), *ž* как рефлекс праславянского **dj*, развитие **jь* > *i*, утрата йотации, ассимиляция по звон-

Карта 1. Расположение загорских говоров

Súčasný stav základných izoglos

- ||—||—|| házat — hážem
- ||—||—|| medzi/mezi
- ||—||—|| hovjazí/hovjazí
- vjec, vic/vác, mjech/mech
- “vrece”
- · · · · · zekovat, dekovat/dakuvat
- hlezí/hlazí
- |—|— kún/kón
- ^—^— padél, padól/padól
- · · · · · padla/palla, jedna/jenna (oca/occa)
- v—v— staf/stav
- |—|— vím/vjém
- x—x— hozina/hodina
- x—x— cichí/tichí

Карта 2. Распределение рефлексов /z/ в загорских говорах (Крајшовић 1964а)

кости перед сонорными и перед гласными на стыке слов (*k otcovi* [goc:ovi]), окончание *-á* в формах ном. pl. существительных среднего рода (*mestá*), использование одного глагола движения (*íst*) для перемещения пешком / при помощи транспортного средства и т. п. Все эти особенности словацкого языка в загорских говорах отсутствуют, что дает нам право поставить вопрос, действительно ли загорские говоры относятся к словацкому языку.

Двумя наиболее важными особенностями загорских говоров на синхронном уровне несомненно являются развитие **l* и ассибиляция. В большинстве загорских говоров первоначальное **l* перешло в *ɥ* (*másuo, bíúí, koteɥ, ɥopata* и т. п.). Лишь в Скалице и некоторых расположенных рядом селах **l* трансформировалось в *l*. Изменения **l > ɥ* не произошло также на восточной окраине загорской области в районе Яблоницы, где мы встречаемся с влиянием соседних мьявских говоров, а также с колонизацией из области говоров верхнетренчанских, не произошло его и на южной окраине загорской области, в городе Свети Юр, а также в Дубравке, Ламаче и селе Девинска Нова Вес, которые в настоящее время входят в черту Братиславы. С учетом того, что во всей загорской области (праславянское и позиционно обусловленное) **l'* превратилось в *l* (*lúbit, lipa, išli, poleno, laxki...*), в результате чего в говорах с переходом **l > ɥ* сохраняется разница между рефlekсами **l* и **l'*, что отделяет загорские говоры от южных западнословацких говоров (Pauliny 1963: 237) и сближает с восточноморавскими чешскими говорами (Bělič 1972: 28).

Другой специфической особенностью загорских говоров является ассибиляция, то есть изменение **d' > ʒ*, **t' > c* (*zeɥi, ɥixo, hozina, zekujem, na svjece, ve voze* и т. п.), которая объединяет загорские говоры с обширной западнословацкой областью, где также представлена ассибиляция, а именно с трнавскими говорами. В некоторых словах за ассибиляцией следует дистактная ассимиляция, например, *čaški* (< *caški* < *tažki*), *češič* (< *cešič* < *tešil*), *češit*. Аналогичное явление отмечается также в восточнословацких говорах, где также имела место ассибиляция, ср. восточнословацкое *češki, čeče* «течет» и т. д. В данном случае скалицкая область также выделяется на фоне общезагорских процессов как область, где ассибиляции не произошло (Скалица, Катов, Копчаны, Врадиште, Трновец, Мокри Гай), и не пересекается с областью, где не произошло изменения **l > ɥ*. В конечном счете эти два явления никак не зависят друг от друга, их объединяет лишь маргинальное положение скалицкой области.

Наиболее подробный реестр признаков, характерных для загорских говоров, представил еще В. Важный (Vážný 1934: 233–245). Типичные

особенности загорских говоров приводят также З. Штибер (Stieber 1956: 60–61), Я. Станислав (Stanislav 1967: 285–286), Й. Штолц (Štolc 1991: 103) и Р. Крайчович (Krajčovič 1988: 209–212). Приведенные списки, само собой, включают в себя лишь типичные признаки, представленные на всех языковых уровнях; с учетом тематики данной статьи мы сосредоточим свое внимание прежде всего на фонологических чертах, начиная с наиболее древних. Р. Крайчович (Krajčovič 1988: 209) приводит следующие фонологические особенности развития словацкого языка из праславянского состояния:

- переход *ořt- > rot, *ořt- > lot: rožen¹, ťoket,
- сохранение групп *dl, *il: šidŭo, plétŭa,
- š как результат 2 и 3 палатализации праслав. *x: na streše,
- начальные je-, j- как рефлекс праслав. *jь: jehŭa,
- различные рефлексы праслав. *r, *l и *rь, *lь, *rь, *lь: kref, slez но vlk, prví,
- рефлекс e как результат вокализации ъ в сильной позиции: pátek, ven,
- долгий рефлекс праславянского акута: kráva, sláma/suáma.

В первую очередь интерес представляют рефлексы праслав. группы *dj, которые в загорских говорах могут быть двоякими: встречаются как z, так и ž, при этом обнаруживается постепенный перевес рефлекса ž в направлении от северо-запада на юго-восток, который продемонстрирован на карте 2. Как можно увидеть, рефлекс z меньше всего представлен в формах глаголов типа házat, sázat, больше у предлога mezi и больше всего в типе hovjazi.

С учетом того, что различие в рефлексах праславянской группы *dj можно с полной уверенностью считать наиболее древней различительной чертой между чешским и словацким языками (Wijk 1932; Bělič 1972: 42), и также в соответствии с работами З. Штибера (Stieber 1929/1930: A218–A219), наиболее древней чешской инновацией, которая зафиксирована уже в самых ранних письменных памятниках чешского языка, где он выступает как самостоятельный славянский язык (Киевские листки, Пражские глаголические отрывки), очень важно установить исходный рефлекс *dj в загорских говорах, поскольку он будет свидетельством наиболее древних инноваций, которые их затронули. В этой связи появляется вопрос, каким был первоначальный рефлекс праслав. *dj на загорской

¹ В загорских говорах засвидетельствована форма rožeň.

диалектной территории. Был ли таковым *z*, а *ʒ* проникло из других западнословацких областей, либо же первоначально был *ʒ*, а *z* проникло из Моравии как результат чешского контактного и культурного влияния?

Р. Крайчович (1969) полагал, что первоначальным рефлексом праслав. **dj* на исторической территории загорских говоров был *ʒ*. Он основывался при этом на подробном анализе глагольной парадигмы типа *házat* (лишь на крайнем северо-западе встречается форма *házat*), а также на большой распространенности формы *mezi*, в качестве еще одного аргумента в пользу первичности рефлекса *ʒ* служила непоследовательность осуществления перегласовки в загорских говорах, которая, на его взгляд, была связана с наличием *ʒ* в словах типа *hovjazil/hovjazí*, где не было перегласовки в противоположность словам типа *kňez*, где перегласовка была. Как мы продемонстрировали в нашем подробном исследовании (Набижанес 2018: 17–19), такая аргументация основывалась на очень ограниченном диалектном материале, который Р. Крайчович имел в своем распоряжении, поэтому ее можно считать недостоверной.

При эксцерпции диалектного материала, который хранится в архиве диалектологического отделения Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук, мы обнаружили, что рефлекс *z* часто встречается в словах типа *vôľa* (< **volja*): *meza*, *xúza*, *sxúza*, *hraza*, *núza*, *saza* и т. п., что могло бы стать ответом на вопрос, каким был первоначальный загорский рефлекс **dj*. Дело в том, что слова данного типа в подавляющем своем большинстве утратили свою первоначальную связь с исходными глагольными корнями. Современный носитель словацкого языка уже не ассоциирует слово *vôľa* с глаголом *volit'*, или слово *hrádza* с глаголом *hradit'*. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что рефлекс *ʒ* является в загорских говорах вторичным и возник в результате морфологической реконструкции после ассибиляции, то есть после изменения *t' > c*, *d' > ʒ*, дабы вернуть утраченную структурную симметричность. Предпосылкой изменения стали в первую очередь чередования, в которых *d* чередовалось с *z*, как это происходит, например, в страдательных причастиях глаголов *i*-класса, у которых исходные формы *mláit'* — *mláceny*, *narodit' sä* — *narozeny* были после ассибиляции заменены на *mláicit'* — *mláceny*, *narozit sä* — *narozeny*, в результате чего возникло давление на морфонологическое выравнивание второй пары, которое затем приобрело в системе общеобязательный характер, в результате чего

² В загорских говорах конечное *-t'* депалатализовалось еще перед ассибиляцией.

каждое чередование $d \sim z$ трансформировалось в $d \sim z$. Такая мотивация проясняет, отчего довольно частотной является форма *cuzí* (в противоположность общесловацкому *cuzí*), поскольку данное слово не имело исходной формы с $-d-$, на которую могло бы опереться. В пользу нашей аргументации свидетельствует также тот факт, что рефлекс z вообще не встречается в скалицкой области на северо-западе Загорья, в которой, как мы уже упоминали, ассимиляция не проходила.

Старые реликты однозначно указывают на развитие чешского типа, в первую очередь это долгота на месте праслав. акута (тип *kráva, sláma / suáma, léto*) и переход $*j\bar{b} > je$ (*jehȕa / jehla*), которые больше нигде в словацкой диасистеме не встречаются. Касательно изменения еров, которое в загорских говорах тождественно их изменению в говорах чешских, а также в западнословацких говорах ($*b > 'e, *b > \bar{a}$), необходимо упомянуть слова, в которых рефлексам трех еров предшествовал слог с полным гласным, напр. **domъčькъ*. Такие слова в загорских говорах развивались как в чешском языке, т. е. была обобщена основа косвенных падежей (тип *domeček – domečka*), в то время как в остальных словацких диалектах, напротив, обобщена форма номинатива единственного числа (тип *domček – domčeka*) (Krajčovič 1964b: 53). В отношении еров необходимо также отметить, что в загорских говорах не произошло совпадения рефлексов слоговых сонорных ($*l, *l', *r, *r'$) и сочетаний $*r\bar{b}, *l\bar{b}, *r\bar{b}, *l\bar{b}$ (*prst ≠ kréf*), как это произошло в остальных западнословацких и среднесловацких говорах (*prst = kr̥u*).

Свою связанность с чешскими говорами загорские говоры также проявляют в некоторых фонотактических особенностях: они представляют собой единственные словацкие говоры, которые допускают (вторичное) слоговое r в финальной позиции, возникшее после падения ера в конце слова: *bratr, svokr, kmotr, vjetr, vňútr* и др. В других словацких диалектах между последним согласным и $-r$ появляется вставной гласный: *víter / vjéter, vietor, viter*.

В количественных характеристиках, помимо продления гласного в формах ном. sg. существительных м. р., принадлежащих к праславянской акцентной парадигме $c: búh, dúm, hniúj, víz$, что является чертой, характерной для чешского языка, необходимо также подчеркнуть факт, на который прежде не обращали внимания. А именно, в загорских говорах не произошло обобщения долготы в суффиксе $-ár$, как во всех остальных словацких говорах, которые различают гласные по долготе / краткости (ср. слов. *lekár* но чеш. *lékař*), что в более широком славянском контексте

коррелирует также с процессами в сербохорватском и словенском языках. Известно много случаев слов с кратким алломорфом *-ar* (Habijanec 2018: 37–40).

Как известно, архаичные черты не так показательны для определения генетической принадлежности говора, как инновации, и именно последние позволяют причислить загорские говоры к чешским диалектам, при этом загорские говоры не были затронуты важнейшими ранними словацкими инновациями. К таким инновациям относится, к примеру, утрата йотации, характерная для всего словацкого языка, одни только загорские говоры сохраняют следы старого ятя в позиции после губного: *svjet*, *vjec* «вещь», *mjet* «мать», *dvje*, *vjerit* и др. Следствием этого является еще одна особенность загорских говоров — это единственные словацкие говоры, где сохраняется различие между рефлексами кратких **e* и **ě* в позиции после губного: *pero*, но *pjena*, *beseda*, но *bjehat* и т. п., что отчетливо сближает загорские говоры с чешскими восточноморавскими говорами. Разница в рефлексах кратких **e* и **ě* в общесловацком диалектном контексте сохраняется во всей юго-западной области, где была депалатализация перед любым *e* (< **e*, **ь*) (Krajičovič 1964b: 66), но не перед *e* < **ě*, вместе с тем следы подобного различия после губных сохранились лишь в загорской области. Йотация сохранилась также у рефлексов *'a* (*stavjat*, *zarábjat*, *poviprávjal*), а также у рефлексов **ě*: *mjást*, *robjá*, *umjá*, но в этих двух позициях она представлена также в восточнословацких говорах.

Что касается чешских инноваций, загорские говоры попали в сферу действия старочешской волны депалатализации, эти процессы также затронули и другие говоры юго-западной Словакии, с тем исключением, что депалатализация конечных согласных в загорских говорах не коснулась *ň*: *prsteň*, *rožeň*, *kameň* (Paulíny 1963: 113). При этом в загорских говорах мы встречаемся с многочисленными случаями слов, где депалатализации не было, несмотря на то, что условия для нее существовали: *mjakí*, *smjad*, *smjadní*, *zapjaté*, *pomjateč sa*, *hovjado* при *hovado* и др. Данные случаи можно объяснить ослаблением палатализационной волны либо морфологическим обобщением форм, в которых условия депалатализации не были выполнены, напр. *smjad* (< **směďь*) по форме loc. sg. **směďě*.

При этом наиболее фундаментальным изменением, которое затронуло загорские говоры и оказало влияние на их современную форму и исключительное положение в рамках словацких говоров, стала перегласовка, которую можно однозначно считать чешским процессом, который распространился на загорскую область (Paulíny 1963: 245). Под старочешской

переглаской мы понимаем переход $\ddot{a} > \acute{e}$, который имел место в случае, если после \ddot{a} не стоял твердый согласный (Komárek 1958: 50). На территории загорских говоров перегласовка происходила не так последовательно, как в других говорах, в первую очередь в центральных чешских, что связано с общей тенденцией к ослаблению перегласовки к востоку. Анализ диалектного материала показал, что перегласовка наиболее последовательно осуществлялась в случае с долгим \ddot{a} любого происхождения (из носового $*\bar{e}$ или как результат контракции): *mjesíc, zajíc, po devíti, desíti, vztít, rid'it / rízit, prímó, prímí, dva píde, prít, hrít, smít sa, sít* «сеять», *prítel*. В конце слова, однако, перегласовки не происходит: *robjá, pripravjá, mosá, učá, xod'á / xozá, xit'á / xicá, uvará* (форму 3 л. мн. ч.), *ze Záhorá*. Краткое \ddot{a} (< $*\bar{e}$) перегласовке, как правило, не подвергается: *pjast, vjadne, mjadlovat* «очищать лен от костры» (ср. слов. *mädliť* и чеш. *médlice*), *mja* (acc. sg.), *pamjat, ščascí, řaški / čaški, jatelina, držat, pršat, ležat, házat/házat, opxázat* и др. Во всех этих случаях после \ddot{a} в эпоху, когда происходила перегласовка, не следовал твердый согласный, условия осуществления тем самым были выполнены. В некоторых случаях перегласовка происходила также в кратких слогах: *kňez, svjet'ení / svjecení, hledí, lehnút, vječí, vjec* «виас», *d'ekovat / zekovat, pjat, devjet, deset...* Это можно объяснить чешским культурным влиянием (напр. у слова *kňez*), или аналогией к альтернанту с долгим рефлексом, напр. *devjet* в соответствии с *devíti*. Такое состояние в загорских говорах напрямую соотносится с ситуацией в чешских говорах. Как известно, перегласовка наиболее последовательно осуществлялась в Богемии (чешские говоры в узком смысле), а также в северозападной части центрально-моравских (ганацких) говоров (Lamprecht et al. 1977: 53). В остальной части ганацких говоров перегласовка не происходила в конечных слогах с исконным \acute{a} (*noža, naša kaša*, но *pjet, pamňet, hřibje*). В восточно-моравских и силезско-моравских (ляшских) говорах не осуществлялась перегласовка $\acute{a} > \acute{e}$ в кратких слогах, однако \ddot{a} (< $*\bar{e}$) перегласовке подлежит. Исключением стало конечное \ddot{a} , которое перегласовка не затронула. Точно так же перегласовка не происходила после конечного \acute{a} , которое в этих двух областях дало \acute{a} (там же). Загорские говоры напрямую связаны с этим процессом, при этом они демонстрируют следующую ступень ослабления перегласовки — в загорских говорах она также не осуществлялась у \ddot{a} во внутренних слогах или как минимум протекала в данной позиции непоследовательно.

В области дифтонгизации и монофтонгизации загорские говоры также тяготеют к чешским. Дифтонгизация в загорских говорах, как и в чеш-

ских, коснулась также долгого $\bar{o} > uo$, в то время как в южных западно-словацких говорах долгое \bar{o} сохраняется без изменений. Помимо любого долгого \bar{o} , дифтонгизация затронула также слоги с рефлексом $*\bar{e}$ и рефлексом \bar{a} (возникшего из носового или в результате контракции) после перегласовки. Следующим чешским изменением, которое проникло в загорские, а также в другие южные западнословацкие говоры, стала монофтонгизация, под которой мы понимаем переходы дифтонгов $je > i$, $uo > u$. Монофтонгизация является единственной чешской инновацией, центром которой стала моравско-силезская область, как это на основе анализа архивных документов 15 в. продемонстрировала Д. Маречкова (1957/1958) и позднее подтвердила Т. Википелова (2006). Это объясняет, отчего монофтонгизация была настолько последовательной в моравской области и почему она распространяется также на словацкую языковую территорию. Загорский диалектный материал демонстрирует полную согласованность с тем, как протекала монофтонгизация в чешских говорах: *siň, hňízdo, svička, tríska, hrích, smích, míra, bili/biúi, vzít, primo, zajíc, mjesíc, hrít, síť, prít; kůň, vůz, hnúj, dům, můj, tvůj, stůl/stú, dvůr, hůra...* Естественно, монофтонгизации подвергались лишь те длинные слоги, в которых прежде развились дифтонги.

Монофтонгизация является последней чешской инновацией, которая охватила также загорские говоры. Их не затронули некоторые более ранние изменения, ядром которых была чешская область и территория каких-то осталась ограниченной, напр., дифтонгизация $\acute{y} > ej$, $\acute{u} > oi$ и перегласовка $'u > i$, а также некоторые более поздние изменения, напр., сужение $\acute{e} > i$. Ни один из этих процессов не затронул восточноморавские говоры. Для развития загорских говоров в период после 15 в. характерна связь с общесловацкими процессами, напр., это касается появления согласного \check{z} (*hážem*).

Нерешенным остается вопрос ассибиляции $*r'$ в загорских говорах. Аналогичный процесс в чешском языке привел к появлению наиболее характерного для чешского языка звука \check{r} , при этом изоглосса $\check{r}|r$ является единственной изоглоссой, которая сегодня практически полностью соответствует делению чешского/словацкого этносов и соотносится с государственной границей. Несмотря на то, что в современных загорских говорах \check{r} не представлено, возникает вопрос, затронул ли загорские говоры процесс ассибиляции согласного r' , который имел место в чешском и польском языках, а также в верхнелужицком и нижнелужицком (в последних трех языках он позднее подвергся дальнейшим изменениям).

О том, что когда-то в загорских говорах существовало *ř*, по крайней мере на начальных этапах ассимиляции, могли бы свидетельствовать слова, современную форму которых можно объяснить лишь фонетическим влиянием *ř*. Речь идет в первую очередь о случаях, в которых на месте общесловацкой начальной группы *čr-* мы находим в загорских говорах группу *str-*: *črevo* — загорск. *strevo* «кишка», *črievica* — *strevíc* ~ *strevica* «туфля, башмак», *čerešňa* — *strešňa* «черешня», *črep* — *strep* «осколок» (Palkovič 1997: s. v.). Возникновение данной начальной группы можно легко объяснить, если предположить наличие *ř* в фонологической системе говора, как нам это демонстрирует процесс в чешском языке (напр. чеш. *střevo*, *třešně*...): *čř-* в начале слова тяжело произносилось и поэтому упростилось в *tř-* (Gebauer 1963: 523). К таким случаям следует однозначно причислить также слова с переходом *žr-* > *hr-*, который можно понять только при условии существования *ř*: *hřebec* «жеребец», *hrebica* «племенная кобыла», *hribja* «жеребенок», *hřebík* «гвоздь» и др. Дополнительный аргумент в пользу того, что когда-то в загорских говорах существовало *ř*, предоставляют случаи с дистантной ассимиляцией. В чешском языке аналогичный процесс имел место в словах *žebřík* и *žebro*, в которых изменение *ř* > *ž* можно легко объяснить как *ř ... ř* → *ž ... ř*, во втором слове в форме loc. sg. **řebře*. Проблема состоит в том, что все эти слова обозначают предметы материальной культуры либо реалии из области сельского хозяйства и животноводства, а такие слова очень часто заимствуются. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что эти слова фиксируются главным образом в Скалицком округе, который теснее всего связан с Моравией.

Заключение

В плане архаических черт загорские говоры отчетливо демонстрируют свою связь с чешскими говорами. Что касается инноваций, в загорских говорах — или по крайней мере в большинстве из них — получило распространение древнейшее чешское изменение *ǰ* > *ž*, которое на основной части территории было позднее затерто в ходе перестройки консонантной системы после ассимиляции, а также другие чешские инновации: развитие типа *domeček*, распределение долготы, дифтонгизация, депалатализация, в то время как вопрос с ассимиляцией *r'* остается открытым. Кроме того, загорские говоры являются единственными словацкими говорами, которые затронула старочешская перегласовка, последовательно протекавшая, впрочем, лишь в случае с *ǎ* во внутренних слогах. Данную

непоследовательность можно мотивировать постепенным ослаблением перегласовки в чешских говорах в направлении с запада на восток. Таким образом, получается, что в первые столетия своего существования загорские говоры развивались как говоры чешские и по этой причине в диахронном аспекте их с полным правом можно считать переходными чешско-словацкими говорами.

Литература

- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Gebauer 1963 — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Praha, 1963.
- Habijanec 2018 — *Habijanec S.* Fonologické aspekty vývinu slovenčiny. Bratislava, 2018.
- Komárek 1958 — *Komárek M.* Historická mluvnice česká I. Hláskosloví. Praha, 1958.
- Krajčovič 1964a — *Krajčovič R.* Pôvod juozápadoslovenských nárečí a ich fonologický vývin. Bratislava, 1964.
- Krajčovič 1964b — *Krajčovič R.* Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1964.
- Krajčovič 1969 — *Krajčovič R.* Problém striednice za psl. *dj* v záhorských nárečiach. // Jazykovedné štúdie. 10. Štolcov zborník. Bratislava, 1969. S. 58–63.
- Krajčovič 1988 — *Krajčovič R.* Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988.
- Lamprecht et al. 1977 — *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Hláskosloví. Tvarosloví. Skladba. Praha, 1977.
- Marečková 1957/1958 — *Marečková D.* K rozšíření změn *ie > í* a *uo > ů* v XV. stol. // Listy filologické. 1957, № 2. S. 232–236, 1958. №. 1. S. 85–97.
- Palkovič 1993 — *Palkovič K.* Výskum záhorských nárečí // Slovenská reč. 1993. № 6. S. 352–357.
- Palkovič 1997 — *Palkovič K.* Zahorácky slovník. Bratislava, 1997.
- Pauliny 1963 — *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Stanislav 1967 — *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka I. Úvod a hláskoslovie. Bratislava, 1967.
- Stieber 1929/1930 — *Stieber Z.* Z zagadnień podziałów dialektycznych grupy zachodniosłowiańskiej // Lud słowiański. 1929/1930. № 2 A. S. 212–245.
- Stieber 1956 — *Stieber Z.* Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956.
- Štolc 1991 — *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1991.
- Vážný 1934 — *Vážný V.* Nářečí slovenská // Československá vlastivěda. III. Jazyk. Praha, 1934. S. 219–310.
- Vykypělová 2006 — *Ivykypělová T.* Ještě k vývoji dlouhého vokalizmu v češtině: případy tzv. nadměrné diftongizace (poznámka k historické dialektologii češtiny) // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). 9. Die Welt der Slaven, Sammelbände / Сборники, 27. München, 2006. S. 109–122.
- Wijk 1932 — *Wijk van N.* Die älteste Gruppierung der chechoslovakischen Mundarten // Slavia. 1932. S. 425–436.

*Summary**Siniša Habijanec***The genetic affiliation of the Záhorie dialects
from the point of view of phonological development**

The paper looks at the phonological development of the Záhorie dialects in the context of historical phonological processes in Slovak and Czech. The Záhorie dialect group is the westernmost dialect of Slovak and many of its traits show a similarity with Czech. Old residual traits are either shared by Czech and West Slovak dialects (**ort*, **olt* > *rot-*, *lot*; **s'* > *š*; **dl*, **tl*) or correspond to Czech dialects (**jb-* > *je-*; length for the acute). On the subject of innovations, which are also important in determining genetic affiliation, the Záhorie dialect shows a similarity with the Czech development as well. It was affected by probably the oldest Czech innovation (**dj* > *z*), which was later neutralised by the restructuring of the morphological system of alternations in assibilation conditions, i.e. the *d'* > *dz* change. The Záhorie dialect was also affected by the Proto-Czech depalatalisations, diphthongisations, and in part by the Old Czech umlaut *ä* > *ě*, which is, however, the most consistent for *ǎ* in internal syllables. Some phonological indicators suggest that the **r'* assibilation might have taken place in the Záhorie dialect as well. The most recent change connecting the Záhorie dialect to Czech dialects was the monophthongisation, after which the development of the Záhorie dialect group approaches the Slovak diasystem. The Záhorie dialect therefore started its development as a dialect of Czech, subsequently gravitating toward the Slovak development, and hence it can with complete justification be considered as a transitional Czech-Slovak dialect.

Перевод Д. Ю. Ващенко